

Л.С. ЦЫДЫПОВА, Ц.Б. ДАШПИЛОВИнститут географии им. В.Б. Сочавы СО РАН,
664033, Иркутск, ул. Улан-Баторская, 1, Россия, tsidipovaluda@mail.ru, tsirik81@mail.ru**ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАССЕЛЕНИЯ
И ЭТНИЧЕСКОГО СОСТАВА НАСЕЛЕНИЯ БАРГУЗИНСКОГО ПРИБАЙКАЛЯ
(XIX–XXI ВЕКА)**

Рассмотрены особенности формирования этнической структуры и населенных пунктов Баргузинского Прибайкалья в границах территории современных Баргузинского и Курумканского районов Республики Бурятия. На основе архивных источников и материалов полевых исследований выявлено воздействие социально-административных преобразований, способов хозяйственной деятельности и специфики природной среды на размещение пришлого и старожильского населения. Показаны адаптивные черты местных сообществ, которые повлекли устойчивость традиций природопользования и повседневных межэтнических контактов. Характер заселения территории и формирования сети населенных пунктов в разные исторические периоды имел свою специфику и в то же время во многом определялся степенью сохранения традиционного для этноса комплекса природопользования: земледельческо-промыслового, скотоводческо-промыслового, охотничье-промыслового и рыболовецкого с рядом переходных вариантов, которые складывались в ходе постоянного взаимодействия этнических групп региона. Выявлено, что для территории исследования и населяющих ее народов характерна устойчивость и преемственность в организации жилой среды. Распределение населенных пунктов, временных и постоянных стоянок в разные исторические периоды отражало состояние этнокультурного ландшафта, определяло размещение его функциональных зон и ареалов, а также способствовало формированию идентичности местного населения.

Ключевые слова: население, охота, скотоводство, земледелие, род, коллективизация, укрупнение деревень.

L.S. TSYDYPOVA, Ts.B. DASHPILOVV.B. Sochava Institute of Geography, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
664033, Irkutsk, ul. Ulan-Batorskaya, 1, Russia, tsidipovaluda@mail.ru, tsirik81@mail.ru**HISTORICAL AND GEOGRAPHICAL FEATURES OF SETTLEMENT
AND ETHNIC COMPOSITION OF THE POPULATION OF BARGUZIN CISBAIKALIA
(19TH–20TH CENTURIES)**

The formation features in the ethnic structure and settlements of Barguzin Cisbaikalia across the territory of the modern Barguzinskii and Kurumkanskii districts of the Republic of Buryatia are considered. On the basis of archival sources and field research material, the impact of socio-administrative transformations, methods of economic activity and the specifics of the natural environment on the placement of the newcomer and old-time population are revealed. The adaptive features of local communities are shown, which led to sustainability of the traditions of nature management and everyday interethnic contacts. The nature of the settlement of the territory and the formation of a network of settlements in different historical periods had its own specifics and, at the same time, was largely determined by the degree of the preservation of the complex of nature management traditional for the ethnos: agricultural-commercial, animal husbandry-commercial, hunting-commercial and fisheries, with a number of transitional options which formed in the course of constant interaction of ethnic groups in the region. It was found that stability and continuity in the organization of human habitat are characteristic for the study area and the peoples inhabiting it. The distribution of settlements, temporary and permanent camps in different historical periods reflected the state of the ethnocultural landscape, determined the location of its functional zones and areas as well as contributing to the formation of the identity of the local population.

Keywords: population, hunting, animal husbandry, agriculture, clan, collectivization, villagization.

ВВЕДЕНИЕ

Формирование этнической структуры населения и сети населенных пунктов на территории Баргузинского Прибайкалья охватывает длительный исторический период. Эта территория в прошлом,

по мнению Л.Б. Вампиловой и Б.З. Нанзатова [1], в наибольшей степени подверглась влиянию миграций и этноконсолидационных процессов. Поэтому в историко-географическом контексте регион стал ареной масштабных и разновременных межэтнических и межкультурных взаимодействий. Рисунки расселения, этнический состав местных сообществ и организация жилого пространства территории складывались под влиянием социокультурных, экономико-географических и межэтнических факторов. Цель работы состоит в выявлении их воздействия на этнокультурный ландшафт и полиэтничный социум.

Особенности формирования населения и его этнические характеристики рассмотрены нами с позиции культурной географии. Степень культурной адаптации под воздействием миграций, изменения геополитических особенностей, трансформации и адаптации сообществ определяет спектр географически упорядоченных этнокультурных ситуаций [2].

В природном отношении территория исследования представляет собой «остров» степных и лесостепных ландшафтов в окружении горно-таежных пространств. В поймах и на террасах р. Баргузин и ее притоков наблюдается мозаичное чередование луговых степей, лесостепей и заболоченных участков. Северо-восточная часть территории расположена в Баргузинской котловине, между Икатским и Баргузинским хребтами, и простирается с северо-востока на юго-запад. Абсолютная высота днища котловины колеблется от 500 до 700 м, тогда как высота окружающих горных хребтов составляет 2000–2700 м над ур. моря. Среднегодовая температура в котловине — 2–3 °С, а в горных районах достигает –5÷–7 °С. Продолжительная (более полугодя) зима отличается суровыми морозами, сухостью, ясным небом и затишьем. Режим температуры воздуха в районе варьируется не только в течение года, но и по сезонам — в отдельные месяцы, и даже в течение суток. Западная часть территории примыкает к оз. Байкал [3].

С началом присоединения Сибири в XVII в. население территории формировалось за счет миграционного притока. Для ссыльных и переселенцев особенно привлекательны были южные районы, удобные для хлебопашества. Прилегающие к оз. Байкал прибрежные и горно-таежные комплексы, где водились соболь и дикие копытные, представляли интерес для охотничьего промысла, а берега озера — для добычи нерпы и рыболовства.

Административное устройство Баргузинского Прибайкалья отражало ситуацию с размещением населения и претерпело ряд изменений. В 1860 г. Баргузинский округ включал в себя Читканскую волость с центром в с. Больше-Читканское, отдельные сельские общества — Верхнеангарское с центром — слободой Иркона, Низовское с центром в с. Сувинское, Горячинское с центром в селении Горячинское, город Баргузин с двумя станами, Баргузинскую волость с Баргузинской степной думой в с. Улюн, Баунтовскую инородную управу и отдельные инородческие сельские общества в селении Бодон, а также родовые управления тунгусов (Верхнеангарско-Чильчигирское, Нижнеангарско-Киндигирское, Подлеморско-Шемагирское) [4].

К 1917 г. был учрежден Баргузинский уезд, в который вошел ареал компактного проживания русского населения. Территории, занимаемые большинством бурят и эвенков, вошли в Баргузинский аймак, образованный в пределах земель, находившихся в ведомстве бывшей Баргузинской степной думы и Баунтовской тунгусской управы. В 1923 г., после создания Бурят-Монгольской Автономной Советской Социалистической Республики (БМАССР), Баргузинский уезд и аймак объединились в одну административную единицу — Баргузинский аймак — в границах бывшего Баргузинского уезда и вошли в состав республики. В 1924 г. часть территории, занятой эвенками, отошла к Баунтовскому аймаку. В 1925 г. был создан Северо-Байкальский аймак, в который из Баргузинского аймака перешла часть Верхнеангарской волости и территория, занятая тунгусскими родами. Постановлением Президиума ВЦИК от 26 сентября 1927 г. «О новом административном делении БМАССР» [5] было упразднено деление республики на уезды, волости, хошуны. Теперь аймаки делились только на сельские (сомонные) и поселковые советы, а город Баргузин был переименован в сельское поселение — село [6].

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Материалами для работы послужили архивные документы — переписи населения, включающие в том числе данные подворной переписи населения, и похозяйственные книги Курумканского и Баргузинского районов, а также статистические материалы Бурятской АССР и Республики Бурятия. Эти источники дополнили результаты полевых исследований 2008–2018 гг., в ходе которых авторами изучалось воздействие социокультурных перемен на процессы расселения и этнической идентификации.

В исследовании нами был применен культурно-географический подход. Культурная география рассматривает обживание территории этническими группами через традиционные модели природопользования. Обживание территории включает в себя природный ландшафт, сообщество людей (в этнологическом, социальном, семейном, конфессиональном и прочих аспектах), хозяйственную и духовную культуру, где поселение — способ пространственной организации в ландшафте [2, 7]. Каждый элемент обживания территории, сегодня представленный фрагментарно в памяти старожилов, реконструирует и достраивает культурный ландшафт. Картографическим методом воспроизведены размер, людность и этнический состав поселений XX—начала XXI вв. на исследуемой территории и отображены соотношения этносов в населенных пунктах, показаны изменения рисунка расселения.

ЭТНОГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАСЕЛЕНИЯ ТЕРРИТОРИИ И РАССЕЛЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ

Территория Баргузинского Прибайкалья в XVII—XVIII вв. заселялась в результате нескольких волн миграции, при этом и русские, и буряты начали осваивать регион почти одновременно.

Бурятское население к 1824 г. было представлено в основном пятью родовыми управлениями Баргузинской степной думы. Обнаруженные нами архивные документы позволяют восстановить поименную структуру бурятского самоуправления со списком родоначальников инородных управ и управлений, с указанием званий и имен родовых старост [8].

Побуждала бурят к переселению в регион как экономическая, так и природная обстановка. Причиной могли стать чрезвычайные природные явления. Так, в 1864 г. из-за наводнения в окрестностях рек Селенги, Харауза и Бугутура снесло мосты, и путевое сообщение прекратилось. Все улусы кударинских бурят, расположенных по Селенге, Хараузу и на островах, затопило. В поисках убежища в баргузинскую степь перекочевало 50 семейств [10]. Подтверждение найденным неопубликованным источникам находим в материалах комиссии А.Н. Куломзина (1898 г.), где отмечено, что, по рассказам стариков, до прихода бурят долина Баргузина принадлежала тунгусам: «Шесть поколений тому назад» (около 300 лет) прикочевали сюда с о. Ольхон и вообще с западной стороны оз. Байкал пять родов бурят, с которыми у тунгусов возникли споры из-за земли. Споры эти окончились заключением в 1802 г. договора, по которому решено всеми землями владеть сообща. Прикочевка сюда из Верхотурского округа Иркутской губернии продолжалась до конца 1830-х гг. Заселение долины р. Баргузин бурятами началось с юга, и еще 100 лет тому назад в теперешней даче Подхребетной стояли всего шесть бурятских юрт, а теперь их там 13 общин» [10, с. 2–3].

Из приведенной цитаты следует, что масштабная миграционная волна на рубеже XVII—XVIII вв. повлияла на формирование родовой структуры бурятского социума: она в течение нескольких веков не менялась и служила основой для дальнейшего расселения бурят. В их традиционном хозяйстве основное значение имело скотоводство. Численность кочевого населения можно проследить по количеству скотоводческих хозяйств: в 1897 г. по Баргузинскому округу насчитывалось 2410 бурятских хозяйств; мужчин в них было 5681, женщин — 5941, итого 11 622 чел. Оседлые буряты-земледельцы были в меньшинстве: всего шесть хозяйств, в них мужчин — 16, женщин — 17, всего — 33 чел., т. е. 0,3 % от общего количества представителей бурятского этноса [11, с. 605]. Таким образом, в конце XIX в. дисперсное расселение бурятских родовых групп соответствовало нуждам скотоводства и сохраняло сезонный рисунок расселения.

В предреволюционные годы количество скотоводов плавно возрастало: по данным статистического отдела Забайкальского переселенческого района (1912 г.), в 2686 хозяйствах кочевых бурят насчитывалось 13 541 чел. [12]. Образ жизни, связанный с перегоном стад, сформировал рассеянную структуру немногочисленных поселений. Всего населенных пунктов бурят было зафиксировано 69, из них крупных три (численность до 600 чел.), средних — 25 (200–499 чел.), мелких — 41 (от 16 до 199 чел.) [12]. В этот период наивысшей этнической гомогенностью — преобладанием бурят, ведущих кочевой образ жизни, — отличались северо-восточные районы территории. Исключение составляли семьи, жившие в непосредственном контакте с русскими и евреями. Они характеризовались наивысшей интенсивностью аккультурационных процессов, заимствованием навыков земледелия и культурных традиций, что повлияло на скорость их ассимиляции.

Среди бурятских родовых групп сохранялся традиционный порядок семейно-родовой общины. Они селились в юртах, семейными общинами. Центральное место в поселении занимала юрта главы — старейшины общины, далее располагались юрты сыновей и последующих поколений. В памяти старожилов присутствует понятие «бууса» — поселение рода, приуроченное к посезонным стойби-

щам — летникам (нажаржаан), осенникам (намаржаан), зимникам (убэлжоон), весенникам (хабаржаан). Оно объединяло несколько юрт, где проживали отдельные семьи (по словам старожил, «семейно-родовыми объединениями жили»). Расстояние между юртами одной родовой группы составляло 30–50 м, между юртами различных родов — более 50 м, хотя они часто объединялись. Старожилы отмечают, что такого понятия, как деревня, не было. Тем не менее расположение родовых угодий было относительно устойчивым, сохранялось в памяти и передавалось через поколения. Этот факт объясняется тем, что смысл кочевания заключался не только в выпасе скота, но и в посещении символически значимых мест, закрепленных за родом. При рассказе о месте буусы информанты обязательно называют род и имя главы семьи.

Известно, что в XVII в. *эвенки* (тунгусы) платили ясак в Баргузинский острог и тесно взаимодействовали с бурятами. В 1670-е гг. в изучаемом регионе жило 800–1000 эвенков, все они были охотниками-скотоводами [14]. Они относились к тунгусским инородным управам и лишь в 1903 г. частично (589 чел.) вошли в отдельную сельскую волость.

В низовьях р. Баргузин, вблизи рек Бодон, Тукала, Кунгурга, Онкули, Ина, Аламбурга, Подхребетный, находился основной ареал тунгусов, условно тяготеющий к двум очагам. Первый располагался в низовом течении р. Баргузин (урочища Бодон, Белые воды, Хабаржан, Ино, Кунгурга) и был представлен сетью относительно компактных поселений-стойбищ. Население этих стойбищ по примеру бурят дважды в год перекочевывало с летника на зимник и обратно. Эвенки этого очага заимствовали некоторые черты хозяйства и культуры (включая земледелие) у русских из близко расположенных деревень. Другой очаг расселения эвенков — в верховьях р. Баргузин (урочища Таз, Джирга, Самахай, Ентыхек) — был наиболее удален от мест проживания русских, но приближен к бурятским улусам, что обусловило большой вклад бурятских традиций, языка и хозяйства в этническую идентичность и образ жизни населения.

Тунгусы инородческого отдельного сельского общества характеризовались компактным проживанием, двухразовыми кочевьями в течение хозяйственного года по оси летник — зимник. Зимники — места, где коллективы проводили большую часть года, — располагались недалеко от русских деревень. Поселение эвенков имело дисперсную структуру: семейная община из 1–2 юрт находилась от других подобных групп на расстоянии до 1,5 км. Родовой участок тайги был обустроен для промысла и жизни, и, несмотря на заимствование у русских опыта строительства зимовий, традиции кочевой архитектуры сохранялись. Информатор (с. Алла) вспоминает: «В сезон охоты в тайге на родовом угодье было зимовье — охотничья избушка 5 на 6 м, с собой чум, и установлено нэку (от «н'элку». — Л. Ц.), по-русски “лабаз”, площадка с двускатной крышей на четырех столбах высотой 2–3 м, для хранения продуктов питания во время охоты. Высоко хранили, чтобы зверь не учуял запах».

Русское население первоначально заселило ареалы в нижнем течении р. Баргузин, где образовалась цепочка протянувшихся от Байкала до Баргузинского острога малодворных деревень и зимовий с названиями, произошедшими от личных имен. В широкой части долины, где распространены почвы, пригодные для земледелия, находился ареал русского и в меньшей мере еврейского земледельческого населения. Приток ссыльных евреев-мещан усилился с середины XIX в. и также повлиял на этнокультурную ситуацию. Десять семей ссыльных поселенцев — политических каторжан — 20 июня 1810 г. основали с. Горячинск [12]. В этом ареале впоследствии была организована Горячинская волость, которая обладала небольшими посевными площадями, а ее обитатели, помимо земледелия, активно занимались охотой и другими таежными промыслами.

К концу XIX в. численность русского населения увеличилась в пять раз, что вызвало изменение рисунка расселения: вместе с ростом деревень возросла нагрузка на агроландшафты и биоресурсы. Деревни укрупнились до 100–200 чел., а в с. Читкан, центре основной земледельческой волости, насчитывалось 400 чел. [10]. В 1897 г. из всего населения (25 474 чел.) 25,5 % (6489 чел.) было занято в земледелии. Среди крестьян преобладали русские старожилы (5324 чел.), переселенцы (202), поселенцы (410), ссыльные (228), меньше всего в этом сословии было оседлых инородцев (33 чел.) [10].

Русское население концентрировалось в устье рек Баргузин, Турка и по берегам Байкала. Линии освоения земель простирались в северном и северо-восточном направлении, где был подходящий рельеф и пригодные под распашку земли. За счет прибывавших мигрантов, которые расселялись вширь, образуя выселки и заимки, численность населения неуклонно возрастала.

В выселках Карача, Алгинский, Агафоновский, Елкина, Толстихинский, Недоросково Низовского отдельного сельского общества насчитывалось 513 чел.; в выселках Туркинский, Истокский, Гремячинский, Сахалин и заимке Охотинской Горячинского отдельного сельского общества — 463 чел.

В 2636 хозяйствах насчитывалось всего 9918 чел. Население города Баргузина в 1897 г. (всего около 2000 чел.) составляли в основном русские, 678 чел. — евреи [10]. К 1911 г. 80 % земледельческого населения уезда было вовлечено в золотой промысел и проживало на территории баргузинских приисков.

В этническом составе населения Баргузинского Прибайкалья преобладали русские, и новые выселки и заимки возникали в широкой части котловины, у притоков рек Бодон, Читкан, Баргузин, где имелись благоприятные для земледелия и промысла природные условия (рис. 1). Случаи переселения в отдаленные районы были редкими. Информант (с. Улюнхан) сообщает: «...к 1900 году в Улюнхан переселилось несколько русских семей из Уро, и в Под-Икате были семьи». Основной приток мигрантов был сосредоточен в Баргузине и Читканской волости уезда.

Взаимодействие этнических групп выразилось в изменении границ расселения и метисации. Информанты (с. Аргада) сообщают, что «метисов больше в деревнях ближе к русским селам, с. Баргузин или, например, у нас, так как здесь давно уже живут буряты, потом русские, потом китайцы, потом татары. Вот так, целых четыре народа! А в Улюнхане и Дырене эвенки с бурятами смешались».

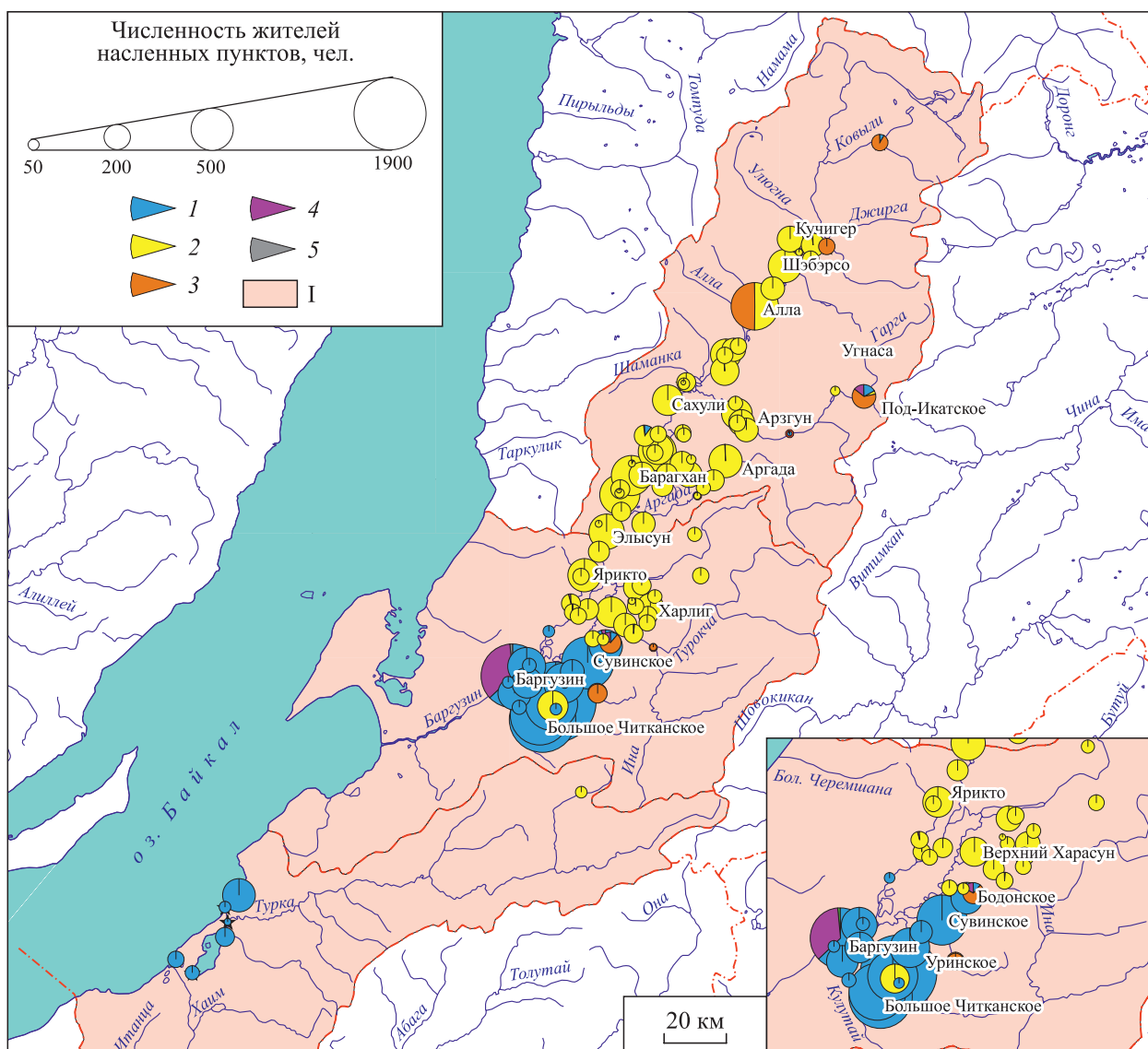

Рис. 1. Населенные пункты Баргузинского Прибайкалья в начале XX в.

I — территория исследования. Этнический состав: 1 — русские, 2 — буряты, 3 — эвенки, 4 — евреи, 5 — прочие.

К 1920 г. в северо-восточной части Баргузинского Прибайкалья насчитывалось около 30 поселений стационарного типа, разместившихся на остепненных участках с плодородными почвами и благоприятными микроклиматическими условиями. В них проживало 70 % оседлых жителей территории. В домохозяйствах распространяется застройка русского типа с печным отоплением, для содержания домашнего скота возводятся дворовые постройки, обнесенные изгородью. От периферии к центру ареала количество домов уменьшалось, поскольку у населения отдаленных районов связь с кочевым укладом была сильнее и их образ жизни подчинялся необходимости смены пастбищ и охотничьих угодий по сезонам года.

В северо-западной части территории сеть поселений имеет более разреженный вид в горно-таежной части ареала, здесь заселение происходило в захватно-заимочной форме. Проживая рядом с русскими переселенцами, буряты и эвенки переходили к оседлости. Первоначально бывшие кочевники образовывали сезонные поселения полукошевого типа, обособленные естественными природными границами. Так возникли первые крупные селения — Барагхан, Элысун, Харамодун, позже появился ряд более мелких поселений. Последние разрастались, привлекая новых жителей, и впоследствии становились центрами колхозов. В северо-восточной части котловины на месте бывших сезонных стоянок были заложены стационарные поселения (Алла, Ягдыг, Самахай и др.). С открытием школы церковно-приходского училища в Курумкане (Курумкано-Троицком селении) село стало центром притяжения христиан и новокрещеных. В 1923 г. Баргузинский уезд из Прибайкальской губернии, входившей в состав Дальневосточной республики, вошел в состав Бурят-Монгольской АССР.

В 1897–1924 гг. численность населения исследуемой территории возросла на 50 %, в основном за счет миграционного притока, но распределились новопоселенцы по территории неравномерно, тяготея к уже освоенным земледельческим ареалам. Рост числа земледельцев и освоение новых территорий совпали с усилением внимания властей к распространению земледелия (меры царского правительства по распространению хлебопашества среди инородцев, волостная реформа 1916 г. и др.).

ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ, ЖИЛАЯ СРЕДА И РАССЕЛЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ В СОВЕТСКИЙ И ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

После Октябрьской революции 1917 г. и установления советской власти политика коллективизации аборигенного кочевого населения ускорила и закрепила формирование стационарных населенных пунктов для оседлого населения. Коллективизация, проводившаяся в 1929–1930-х гг., послужила главным рычагом сплошного оседания кочевых групп. В поселениях, приуроченных к днищу речных долин, продолжая заниматься скотоводством, оседающее полукошевое население приобщалось к земледелию и огородничеству. Более 80 % мелких поселений, существовавших в 1920-е гг., после коллективизации либо исчезло вовсе, либо превратилось в места временного обитания вокруг центральных усадеб созданных колхозов.

В 1920–1930-е гг. местное сообщество состояло в основном из крестьян-единоличников, ведущих кочевое и полукошевое скотоводческое хозяйство. В период от начала коллективизации (1929–1930 гг.) до конца второй послевоенной пятилетки (1954–1955 гг.) наблюдался рост поселений по числу дворов. Планомерное заселение Баргузинского Прибайкалья, а также рост числа стационарных поселений продолжались вплоть до конца 1950-х гг., средняя людность населенного пункта к этому времени составляла 215 чел.

Административные реформы и коллективизация завершили процесс оседания кочевых групп местных жителей. Территория приобрела новый облик с четкими границами, появились частные огражденные сенокосные угодья. Несельскохозяйственные поселения (Сахули, Могойто, Майский) лесопромыслового типа возникли позже, в 1960–1970-е гг., после прокладки автомагистрали. Она оживила экономическую и социальную ситуацию, улучшила снабжение: на месте покинутых заимок, мелких селений появились новые поселения, которые вошли в состав колхозов и животноводческих совхозов.

Организация жилого пространства кардинально изменилась. Образовались колхозные улусы, которые имели вид небольших поселков с одной-двумя улицами, названными в честь Октябрьской революции, В.И. Ленина, К. Маркса, деятелей революции. На самой большой и широкой улице, как правило, располагались общественные здания: правление колхоза, сельсовет, клуб, школа, ясли, магазин, которые составляли центр улуса. В среднем в селении имелось более ста дворов.

Новые поселения, появившиеся в связи с созданием и укреплением колхозного строя, постепенно становились центрами общественной и культурной жизни. Однако до середины 1950-х гг. еще недостаточно экономически сильные бурятские колхозы не могли вести целенаправленную работу по

застройке и благоустройству поселений. Строительство ограничивалось возведением минимального количества объектов культурно-бытового назначения; они располагались в деревянных строениях, большую часть которых колхозы возводили своими силами, иногда с привлечением строителей со стороны. Этим объяснялось отсутствие новых типовых производственно-хозяйственных, животноводческих, жилых и других помещений, а также разнотипность зданий и сооружений [13].

Конкретная планировка застройки отсутствовала. Местные старожилы отмечали ее неорганизованный, разбросанный вид: «Улицы были не похожи на те, которые вы видите сейчас... не было вот таких ровных, и домов многих не было. Да и улицы таковой» (с. Курумкан); «Наш дом был построен на буса, здесь был наш зимник. А другой айл (семья. — Л. Ц.) мог находиться вон там, на расстоянии до 3 км и больше... территория рода обычно очерчивалась естественными границами (рощей, ручьем, скалами и т. д.)», «Эвенки умели строить дома, мастера отличные!» (с. Алла). Такой тип расселения объяснялся также особенностями кочевого хозяйственного уклада. Несмотря на это, буряты и эвенки строили поселки по примеру русских.

С середины XX в. рост доходности колхозов и совхозов, материальной обеспеченности населения привел к значительному увеличению объемов строительства как общественно-хозяйственных, так и индивидуальных жилых домов. На этот же период приходится новое укрупнение колхозов, в результате которого произошло слияние мелких селений и появление крупных. Следовательно, возросла потребность в улучшении планировки поселений. Они приобрели вытянутую прямоугольную форму и состояли из длинных, параллельно идущих улиц, пересекающихся переходами-переулками (Баргузин, Курумкан). Некоторые поселения с уличной планировкой (Майский, Сахули, Шаманка и др.) застроены по линейному плану. Домохозяйства с надворными постройками также имели прямоугольную форму: «...в маленьких русских селах, небольших, дома были построены вразброс. А в больших все дома строились близко друг к другу, улицы узкие, с проулками. Расстояние до 25–30 м, не более... Обязательными постройками во дворе были дом, банька и амбарчик...» (с. Баргузин).

Различия в планировке определялись назначением хозяйственных усадеб. Например, у русских дворы были замкнутого типа, эвенки и буряты имели домохозяйства с далеко отстоящими друг от друга (вразброс) постройками и часто включали двор, «усадебку» (луг для выпаса скота площадью до 80 соток; с 1940-х гг. площадь сократилась до 15–20 соток) и отдельное место для хранения охотничьих принадлежностей и специальных атрибутов для проведения обряда перед выходом на охоту.

Со второй половины XX в. тенденции формирования расселения меняются: поселения укрупняются и ликвидируются неперспективные деревни. Это направление оказало негативное влияние на этнокультурный ландшафт региона. К 1960 г. из 147 населенных пунктов исчезла сеть мелких поселений, обеспечивавшая целостное восприятие социальной среды и обжитость территории, важные для традиционного природопользования. Предполагалось, что укрупнение поможет обеспечить быстрый рост поселений, оптимальных по географическому и транспортному положению, по значению в производственной и культурной жизни территории. При общем сокращении количества поселений с числом жителей менее 100 чел. стало гораздо больше населенных пунктов с населением свыше 300 чел. Они составили основу современной сети сельского расселения, образуя обширную группу средних и крупных сел (см. таблицу). К концу XX в. в условиях экономического и политического кризиса ситуация в аграрном секторе ухудшилась. Многие «неперспективные» села обезлюдели и были покинуты. На постсоветском этапе в регионе насчитывалось всего 60 населенных пунктов.

Динамика количества населенных пунктов в границах Баргузинского Прибайкалья

Годы	Кол-во населенных пунктов	Средняя людность одного населенного пункта, чел.	Населенные пункты с численностью населения, чел.									
			до 30	31–50	51–100	101–300	301–500	501–1000	1001–1500	1501–2000	2001–3000	3001–5000
1912 [17]	99	246	5	5	15	49	16	5	2	2	—	—
1924 [18, 19]	120	207	16	26	24	35	8	6	3	1	1	—
1945 [18, 19]	130	215	18	22	45	25	11	5	2	1	1	—
1960 [6]	147	190	35	3	23	29	15	8	1	—	1	2
1970 [6]	125	357	47	7	16	20	14	11	4	4	—	2
2019 [20]	62	569	8	6	2	21	9	6	8	—	—	2

Примечание. Прочерк — нет данных.

К началу XXI в. с ростом позитивных тенденций в экономике страны были отмечены случаи возрождения части ранее заброшенных поселений в связи с развитием государственной поддержки фермерских хозяйств. Современное расселение в пределах исследуемой территории выглядит следующим образом. В среднегорье котловины расположены населенные пункты с небольшой численностью населения, например эвенкийские поселения Алла, Дырен, Улюнхан (рис. 2). В структуре хозяйства их населения преобладает скотоводство (разведение крупного и мелкого рогатого скота), коневодство, огородничество, а также охота и собирательство. Для данной области характерно наличие скотоводческих заимок также в степной зоне (поселения Элысун, Суво, Баянгол). По этническому признаку в них преобладают буряты и редко эвенки. Наиболее плотно заселенными остаются степные и лесостепные районы котловины, особенно речные долины, где расположились наиболее крупные поселения старожильческих групп населения. В низкогорных лесостепных и среднегорных районах бурятские и эвенкийские хозяйства специализируются на мясомолочном животноводстве, русские — на лесозаготовительной, зерновой промышленности, а также на овощеводстве.

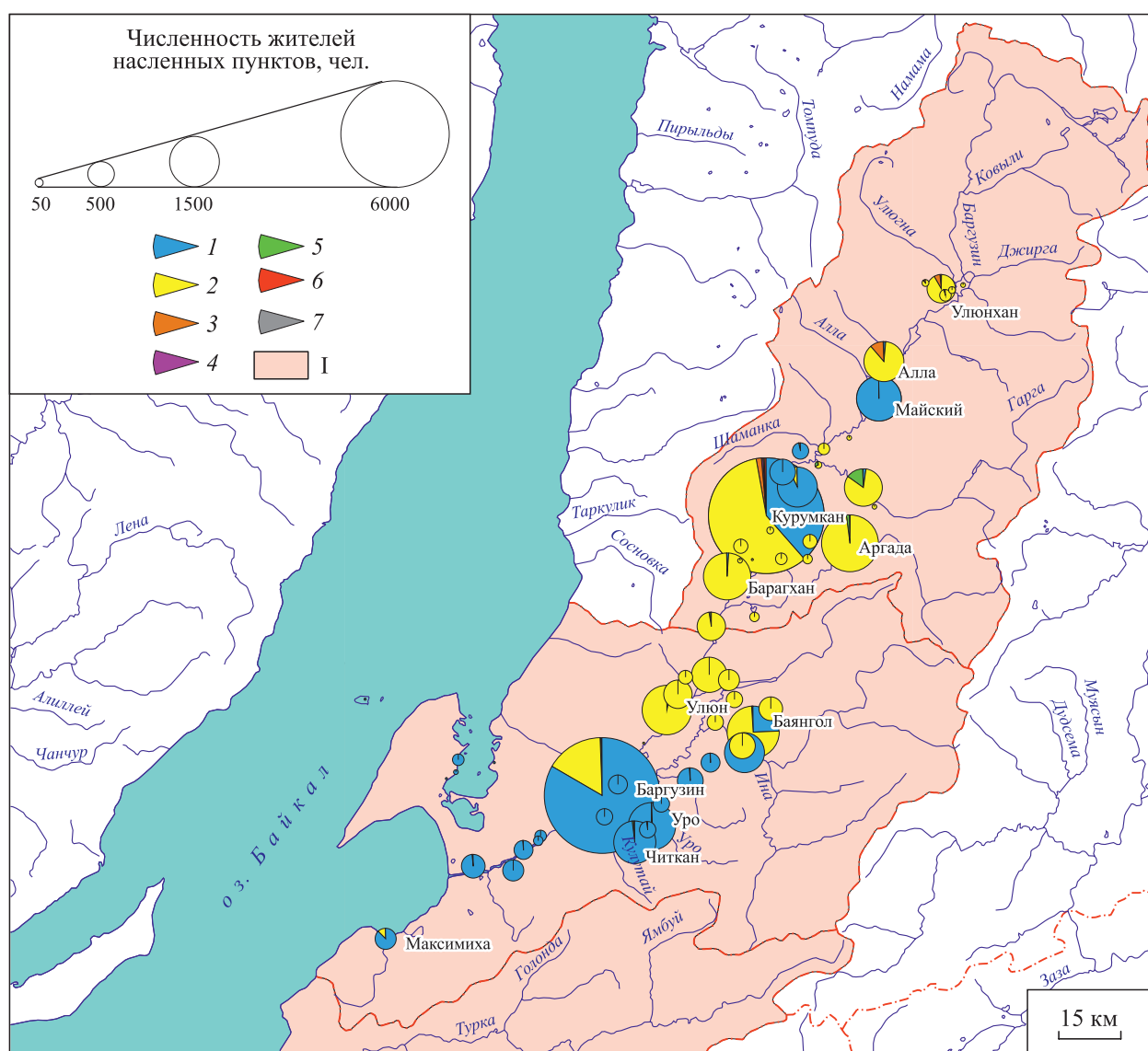

Рис. 2. Населенные пункты Баргузинского Прибайкалья в конце XX–начале XXI вв.

I — территория исследования. Этнический состав: 1 — русские, 2 — буряты, 3 — эвенки, 4 — евреи, 5 — татары, 6 — китайцы, 7 — прочие.

Проведенный анализ показал, что на формирование современного этнического состава и расселения населения Баргузинского Прибайкалья повлиял комплекс факторов: природные условия, хозяйственные традиции, наличие опорных пунктов (Баргузин, Читкан, Курумкан (Харамодун), Алла), транспортное сообщение, политико-административные реформы. При характеристике этнического состава, его динамики и факторов формирования ведущая роль отводится комплексным трансформационным процессам, обусловившим облик современного этнокультурного ландшафта. Традиционная система природопользования остается приуроченной к периферийным, средне- и высокогорным ландшафтам территории, где географическая, информационная изоляция и относительная труднодоступность способствуют его сохранению.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ расселения и этнического состава населения позволил выявить особенности трансформационного процесса и его важнейшую роль в становлении этнокультурного ландшафта. Социально-экономические и политико-административные реформы ускорили ход аккультурации этносов и трансформации этнокультурного ландшафта. Значительная доля старых и новых сел и деревень претерпела колебания людности. Выявлено притяжение расселения этнических групп к ландшафтам традиционного природопользования. Так, к горно-таежным ландшафтам тяготели полукошечные (и впоследствии частично стационарные) охотничье-промысловые эвенкийские поселения, в лесостепных ареалах располагались бурятские и бурятско-русские поселения, преимущественно русские — в нижнем течении р. Баргузин. Различные типы природопользования и поселения со смешанным этническим составом характерны для приграничных зон традиционного природопользования.

Территориальные семейно-родовые объединения, являясь каркасом этнокультурного ландшафта, создавали гибкие формы расселения и влияли на все социально-экономические, этнокультурные аспекты развития территории. Социальные преобразования сыграли огромную роль в самоидентификации и преемственности местных сообществ. В начале XXI в. географическая привязка стала сочетаться с этноидентификацией местных сообществ (бурят. «баргажанай» — баргузинский). Несмотря на локальные перераспределения и заимствование новых форм природопользования, этнические группы тяготеют к традиционным хозяйственным ареалам жизнеобеспечения.

Полиэтнический регион аккумулирует традиции, адаптированные под природные условия и локальную культуру, формируя облик культурного ландшафта. Сохранение и развитие традиционного природопользования, организации жилой среды и традиций расселения на исследуемой территории способствуют поддержанию природного и культурного баланса, межэтнической стабильности и позитивной территориальной идентификации.

Работа выполнена в рамках государственного задания (АААА–А17–117041910166–3) и при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (17–29–05043\19).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вампилова Л.Б., Нанзатов Б.З. Эвенкийский период освоения ландшафтов Баргузинской котловины // Материалы Междунар. науч. конф. «XI Царскосельские чтения». — СПб.: Изд-во Ленингр. ун-та им. А.С. Пушкина, 2017. — С. 295–302.
2. Рагулина М.В. Культурный ландшафт и сотворчество человека и природы // География и природ. ресурсы. — 2007. — № 3. — С. 88–95.
3. Почвы Баргузинской котловины / Отв. ред. С.С. Трофимов. — Новосибирск: Наука, 1983. — 269 с.
4. Волостные, станичные, сельские, гминные правления и управления, а также полицейские станы всей России с обозначением места их нахождения. — Киев: Изд-во Товарищества Л.М. Фиш, 1913. — С. 130.
5. Постановление Президиума ВЦИК от 26 сентября 1927 г. «О новом административном делении БМАССР» // Гос. архив Респ. Бурятия. — Ф. 475, оп. 1, д. 1137, л. 30.
6. Бурятская АССР. Административно-территориальное деление на 1 июля 1960 года / Сост. П.С. Щербанов. — Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1960. — 86 с.
7. Рагулина М.В. Коренные этносы сибирской тайги: мотивация и структура природопользования (на примере тофаларов и эвенков Иркутской области). — Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2000. — С. 39–46.
8. Национальный архив Республики Бурятия. — Ф. 220, оп. 1, ед. хр. 281, л. 11.
9. Мелетий. Из записок Забайкальского миссионера за 1863 год // Прибавления к Иркутским епархиальным ведомостям. — 1864. — № 30. — С. 488–496.

10. **Высочайше** утвержденная под председательством статс-секретаря А.Н. Куломзина комиссия для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области: в 16 т. — СПб., 1898. — Вып. 5. — 377 с.
11. **Патканов С.** Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, языки и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 года) // Зап. РГО. — 1912. — Т. 11, вып. 3. — С. 595–605.
12. **Национальный** архив Республики Бурятия. — Ф. 352, оп. 1, д. 55, 12 л. [Данные стат. отдела Забайкальского переселенческого района. 1912 г.].
13. **Национальный** архив Республики Бурятия. — Ф. 352, оп. 1, д. 55, л. 2–14 [Данные стат. отдела Забайкальского переселенческого района. 1912 г.].
14. **Шубин А.С.** Краткий очерк этнической истории эвенков Забайкалья (XII–XX вв.). — Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1973. — 108 с.
15. **Козлов В.А., Черняев Н.В.** Курорт Горячинск. — Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1965. — 51 с.
16. **Зориктуев Б.Р.** Современный быт бурятского села. — Новосибирск: Наука, 1982. — 112 с.
17. **Национальный** архив Республики Бурятия. — Ф. 352, оп. 1, д. 14, л. 2–8 [Данные стат. отдела Забайкальского переселенческого района. 1912 г.].
18. **Похозяйственные** книги Харамодунского сельского совета. 1924–1945 гг. // Муниципальный архив Курумканского района Республики Бурятия. — Ф. 18, 27, оп. 1, д. 27–37.
19. **Похозяйственные** книги Баргузинского сельского совета. 1924–1945 гг. // Муниципальный архив Баргузинского района Республики Бурятия. — Ф. 8, оп. 1, д. 1–3, ед. хр. 1–20.
20. **Районы** Республики Бурятия: Стат. сб. № 01–01–16. Население. — Улан-Удэ: Бурятстат, 2019. — С. 8.

Поступила в редакцию 27.03.2020

После доработки 03.02.2021

Принята к публикации 24.06.2021